

Итак, К. Крахт и Э. Елинек, актуализируя в своих романах концепт «вещь», решают проблемный вопрос «конфликта с языком», характерный для литературы постмодернизма, критически описывают современное им общество и культуру потребления через оптику «вещи», создают особый язык вещи, привносят новый эстетический смысл в поэтику вещей.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 1995. 268 с.
2. Jelinek E. Die Ausgesperrten. Hamburg: Rowohlt, 2013. 384 S.
3. Jelinek E. Die Klavierspielerin. Hamburg: Rowohlt, 2014. 416 S.
4. Jelinek E. Die Liebhaberinnen. Hamburg: Rowohlt, 2014. 284 S.
5. Kracht Ch. Faserland. Berlin: Der Goldmann Verlag, 1997. 176 S.

А.В. Якимкина
Самарский университет, Самара, Россия
Научный руководитель Г.В. Кучумова

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПИЩЕВОГО И ЭСТЕТИЧЕСКОГО КОДОВ В РОМАНЕ КРИСТИАНА КРАХТА «ИМПЕРИЯ»

Аннотация. В статье исследуется взаимодействие пищевого и эстетического кодов в романе К. Крахта «Империя». По-постмодернистски обыгрываются вкусовые пристрастия великих людей, истории которых додумываются и придумываются. В художественном пространстве романа пища из кокоса рассматривается как инструмент поэтического и философского осмысления мира и как средство утопического устройства человеческого общества.

Ключевые слова: пищевой код, эстетический код, семиотический подход, роман «Империя», Кристиан Крахт.

В романе «Империя» (*Imperium*, 2012) швейцарский писатель Кристиан Крахт (*Christian Kracht*, р. 1966) виртуозно соединяет знаки разных семиотических систем. Автор совмещает жанровые коды авантюрного романа, утопического романа, колониальной прозы и культурные коды (визуальный, аудиальный, ольфакторный, тактильный и др.) с медийными (черный юмор, комиксы и т.п.) и кинематографическими приёмами (например, репродуцирования, то есть умножения проекций реальности) [3, с. 102]. В критике роман интерпретируется как «размноженную медиальными средствами империю знаков» [4, с. 293]. В этой «империи знаков» выделим и рассмотрим взаимодействие семиотических кодов, в частности, пищевого и эстетического кодов, совмещение которых, несомненно, рождает новые смысловые слои произведения.

У Крахта пища соотносится как с литературным творчеством, так и с духовными практиками. Роман содержит многочисленные упоминания известных в немецкоязычной культуре фигур (Герман Гессе, Томас Манн, Франц Кафка и др.), которые вводятся в повествование с неизменным упоминанием их вкусовых пристрастий. Так, Герман Гессе любил заказывать себе на обед «<...> кусок деревенского окорока и четверть литра кроваво-красного вина “Вальполичелла”, после чего углублялся в работу над рукописью с безыскусным названием «Гертруда» [2, с. 59]. Томас Манн, редактор журнала «Симплициссимус», по обыкновению заказывает на ужин бутылку троллингера [2, с. 81], а Франц Кафка узнается в юном вегетарианце, «посасывающим сахарный леденец» [2, с. 116]. Появление в тексте других знаковых фигур тоже привязано к пищевому коду. В романе Крахт говорит о вкусовых предпочтениях гениального Альберта Эйнштейна: «<...> другой молодой вегетарианец, служащий патентного бюро, разрабатывает теоретический фундамент своей диссертации (содержание которой несколько лет спустя перевернет с ног на голову не только все существовавшее прежде человеческое знание, но и, так сказать, наблюдательную вышку, с которой человек воспринимает мир и свои познания» [2, с. 88].

Пищевой и эстетический коды взаимодействуют друг с другом, образуя в романе Крахта параллелизм. Вегетарианство с его многочисленными вариациями (фрукторианство, кокофагия) как поиск нового стиля жизни (Густав Нагель, Лев Толстой, Франц Кафка, Генрих Ойкенс и др.) соответствует многочисленным эстетическим исканиям конца XIX – начала XX века, когда зарождались различные модернистские и авангардные течения.

Фигура главного героя романа «Империя», радикального вегетарианца, задает пищевой код повествования, который на протяжении всего текста сопровождает эстетический семиотический ряд. Август Энгельхардт одержим идеей духовного совершенствования человека через кардинальное изменение пищевого кода. Сюжет романа основан на биографии реальной личности. Немецкий гражданин, основатель секты солнцепоклонников Август Энгельхардт (*August Engelhardt*, 1875-1919) был приверженцем движения (*Lebensreformbewegung*) вегетарианцев начала XX века, которые в целях улучшения человеческой природы питались исключительно сырыми фруктами и овощами. Манифестом движения становится диетический трактат немецкого натуропата и сыроеда Густава Шликкезена «Фрукты и хлеб: научная диета» (1877), написанный под влиянием дарвинизма. В книге речь идет о том, что человек должен питаться сырыми плодами и зерновыми, то есть естественной пищей обезьян, предков человека. Энгельхардт «совершенствует» идею вегетарианства: он предлагает питаться исключительно кокосами. С этой целью он покупает кокосовую плантацию на острове Кабакон в колониальных землях Немецкой Гвинеи в надежде кардинально перестроить пищевой код обитателей острова. Он планирует воспитать нового богоподобного человека, создать кокосовую империю «солнечных людей», питающихся плодами кокоса.

Кокос становится для реформатора символом божества. Эта *idee fixe* побуждает главного героя начать путь духовного совершенства и возвышения: «Иначе и быть не могло: ведь *cocos nucifera*, как ясно осознал наш молодой человек, это в буквальном смысле *венец творения*, плод мирового древа Игг-драсиль. Кокосовый орех растет на самой верхушке пальмы, обращенный к солнцу и к пресветлому Господу; он дарит нам воду, молоко, жир и питательную мякоть» [2, с. 15]. Энгельхардт уверен, что питание кокосовыми орехами приближает человека к Богу, ибо кокосовый орех – плод, наиболее близкий к солнцу, к Богу. «<...> die Kokosfrucht, die von allen Pflanzen dem Kopf des Menschen am meisten ähnelte (er verwies auf Form und Haare der Nuss), das pflanzliche Abbild Gottes sei ...» [1, p. 43].

Однако идея создания Ордена Солнца (*Sonnenorden*) по образу Города Солнца (Т. Кампанелла), надежда на создание Эдемского сада («*Garten Eden*») [1, S. 35] и его теория улучшения человеческой породы через пищевой код и духовные практики терпят крах. *Энгельхардт теряет своих последователей. Жители колониальной деревни оставляют своего хозяина, покидают остров в надежде стать частью цивилизованного материкового общества.*

Одержимость воплощением своих целей и вместе с тем столкновение с реальностью приводит Энгельхардта к аутоагрессивным формам поведения – к поеданию собственной плоти. «<...> он уселся на полу, взял ножницы и отрезал себе большой палец правой руки. Рану он прижег огнем, отрезанный палец положил в наполненную солью кокосовую скорлупу» [2, с. 227]. Отсутствие белковой пищи он компенсирует потреблением своей собственной плоти, смешанной с кокосом. Реальная история повествует о смерти кокофага Августа Энгельхардта на острове Кабакон.

Примеры пересечения пищевого и эстетического кода читатель находит и в финальных эпизодах романа. Прибывшие на остров американские военные обнаруживают истощенного старика. Они протягивают ему красивую стеклянную бутылку с красноватой жидкостью, угощают «смазанной ярким соусом сарделькой, лежащей на мягком, как пуховая перина, продолговатом хлебном ложе» [2, с. 220]. А один из военных корреспондентов пишет репортаж о жизни Энгельхардта, который станет основой голливудского фильма. Здесь голливудская киноэстетика находит эквивалент в американском фастфуде (кока-кола, хот-дог). Ирония автора: сумасшедший старик, много лет питавшийся кокосами, жуками и собственной плотью, съедает на американском судне жирный хот-дог, запивая его кока-колой. Впервые за последние годы Энгельхардт нарушает свои принципы, предавая идею Солнечного ордена. Он не может противостоять империи американского общества тотального потребления и её пищевой культуре. Герой-реформатор создает империю, которая его же и поедает.

В художественном пространстве романа пища из кокоса рассматривается как экзистенциальная ценность, как инструмент поэтического и философского осмысления мира и как средство для утопического устройства человеческого общества.

Литература

1. Kracht Ch. Imperium. Köln: Kiepenheuer & Witsch, 2014. 252 p.
2. Крахт К. Империя: роман / пер. с нем. Данилы Липатова; под ред. Татьяны Баскаковой. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 302 с.
3. Проза Кристиана Крахта: коды постмодернизма: монография / Т.Н. Андреюшкина, А.В. Елисеева, Г.Г. Ишимбаева, Г.В. Кучумова [и др.]; под ред. Т.Н. Андреюшкиной. Тольятти: Изд-во ТГУ, 2015. 235 с.
4. Шумахер Э. «...Будто реальность и без того хрупкая, от него ускользает...» О способе письма и об исчезновении у Кристиана Крахта // Крахт К. Империя. Роман / пер. с нем. Данилы Липатова; под ред. Татьяны Баскаковой. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. С. 293–297.